

Калёнова Наталья Алексеевна

ПРИЁМ ЗАМЕНЫ КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В ЭПИСТОЛЯРИИ

В статье рассмотрен один из приёмов трансформации фразеологических единиц. Замена компонента формальной структуры фразеологической единицы приводит к смысловым трансформациям, использующимся в коммуникативно-прагматических целях. Автор акцентирует внимание на проблемах, связанных с определением границ данного приёма. Анализируется специфика замены компонента фразеологической единицы в эпистолярии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 67-70. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

таинственность вокруг образа женщины, разбившей сердце героя, но не дает подробного портрета. Его нужно «дописать» в воображении. Углубление толкования текстов в послетекстовой работе можно сделать и при изучении фонетического уровня произведения. Первая строфа стихотворения В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» как бы наполнена движением, напевным цоканьем. Слова «Гриб. Грабь. Гроб. Груб» создают иллюзию звука от удара копыт о мостовую. И в то же время слова имеют связь с событием, показанным в стихотворении, – грубым отношением к лошадям. Кроме того, можно сконцентрировать внимание учащихся на поэтике образительно-выразительных средств.

Домашние задания должны быть органичным продолжением аудиторной работы над текстом и в то же время активизировать жизненный и читательский опыт.

Итак, работа с художественным текстом в процессе обучения русскому языку как неродному позволяет создать в аудитории атмосферу радости, правильно организовать работу по развитию речи, привить лингвистическое и эстетическое чутье, воспитать любовь к красоте и выразительности русского языка.

Список литературы

1. **Виноградов В. В.** Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
2. **Клычникова З. Н.** Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке: пособие для учителя. Изд-е 2-е, испр. М.: Просвещение, 1983. 207 с.
3. **Кулибина Н. В.** Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного. СПб.: Златоуст, 2001. 264 с.
4. **Кулибина Н. В.** Читаем по-русски: кн. для учителя. Рига: *Retorika*, 2008. 128 с.
5. **Лотман Ю. М.** Анализ поэтического текста: структура стиха. М.: Искусство, 1970. 384 с.

WORK WITH TEXT AT TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN

Isupova Svetlana Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Vyatka State University
gb8smg@medkirov.ru

The author considers the work with literary text in the classes of the Russian language for foreign students, describes pre-reading, while-reading and post-reading stages of work with text, discusses the purposes of literature works use in teaching the Russian language as foreign, and presents the examples of work with literary text in the classes with foreign students.

Key words and phrases: text; teaching to read; foreign students; level of work with text; stages of work with text.

УДК 81'276.11

Филологические науки

В статье рассмотрен один из приёмов трансформации фразеологических единиц. Замена компонента формальной структуры фразеологической единицы приводит к смысловым трансформациям, используемым в коммуникативно-прагматических целях. Автор акцентирует внимание на проблемах, связанных с определением границ данного приёма. Анализируется специфика замены компонента фразеологической единицы в эпистолярной.

Ключевые слова и фразы: эпистолярный; трансформация фразеологических единиц; замена компонента фразеологической единицы; фразеология; языковая личность.

Калёнова Наталья Алексеевна, к. филол. н.

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет
nakalyon2011@gmail.com

ПРИЁМ ЗАМЕНЫ КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В ЭПИСТОЛЯРИИ®

Фразеологическая номинация окружающей действительности позволяет коммуникантам более эффективно решать их коммуникативные задачи. Это связано с тем, что «языковая природа и специфика знаков вторичной номинации обуславливает их органическую связь с прагматикой речевого общения» [1, с. 219]. Важнейшей функцией фразеологической единицы (ФЕ) признаётся прагматическая [3; 6; 21]. Несмотря на богатый и разнообразный языковой фонд, по разным причинам создатель сообщения может прибегать к преобразованию языковых единиц. Ср.: «*Лежу в больнице. Верней, отдыхаю. Не так страшен черт, как его малютки. Только катар правого легкого. Через 5 дней выйду здоровым. Это результат батумской простуды, а потом я по дуруости искупался в середине апреля в море при сильном ветре. Вот и получилось. Доктора пели на разный лад. Вплоть до скоротечной чахотки*» (С. А. Есенин Г. А. Бениславской, 11-12 мая 1925 г., Баку) [7, с. 212].

Обратим внимание на преобразование паремиологической единицы *не так страшен чёрт, как его малюют*, реализующее коммуникативную установку адресанта: автор письма кодирует самоиронию, попытка пошутить может быть расценена как желание автора убедить адресата в том, что он не пал духом, не расстроен, что всё страшное уже позади.

На реализацию тех же коммуникативных установок «работают» лексема *только*, синтаксема *Через 5 дней выйду здоровым*. С. А. Есенин пишет письмо Г. А. Бениславской, человеку, который искренне переживает за него. Учитывая, что слухи о его болезни могут дойти до адресата и взволновать, расстроить, Сергей Александрович сообщает о своей болезни, но не сгущает краски, а, напротив, изыскивает средства успокоить адресата. Как видим, адресант в выборе языковых единиц руководствуется тем планируемым прагматическим эффектом, который возможен при декодировании знаков адресатом.

Адаптация средств фразеологического фонда реализуется в виде структурно-семантических преобразований ФЕ [2; 5; 11; 12; 14; 18]. В данной статье рассмотрим приём замены компонента/компонентов формальной структуры ФЕ, использующийся в текстах частных писем.

Обращаясь к теоретическим изысканиям, посвящённым анализируемому приёму, неизбежно сталкиваемся с проблемой вариантности ФЕ: «Проблема тождества фразеологической единицы, – считает Ю. А. Гвоздарёв, – возникает в связи с тем, что фразеологическая единица, во-первых, реализуется в речи в виде различных своих проявлений, в различных формах, иногда заметно отличающихся друг от друга, во-вторых, развитие фразеологического состава языка, изменения фразеологических единиц и появление новых нередко начинается с изменений, на первый взгляд несущественных, в функционировании единиц в речи» [5, с. 39]. Определяя границы тех явлений, которые относятся к приёму замены компонента/компонентов ФЕ, исключим случаи реализации фразеологических вариантов в эпистолярной литературе. Ср.: «Многие сердятся и предсказывают беды нашему просвещению, а я даже и не смеюсь. Все идет своим порядком» (Н. М. Карамзин И. И. Дмитриеву, 28 февраля 1819 г., Санкт-Петербург) [9, с. 186]. Во-первых, семантическая структура ФЕ не претерпевает существенных изменений, так, ФЕ *своим чередом* имеет значение ‘разг. то же, что и своей чередой’ [20, с. 365], при этом ФЕ *той же чередой* – ‘устар. как обычно, своим порядком (идёт, течёт и т.п. что-либо)’ [Там же]. Как видим, на вариантность формально указывает включение лексемы *порядком* в толкование ФЕ. Кроме того, в словарной статье отражена вариантность глагольного компонента, не реализованная в данном контекстуальном употреблении единицы.

Во-вторых, лексема *порядком* во втором значении ‘последовательность, ход’ [13, с. 564] синонимична лексеме *чередом* в первом значении ‘последовательность, определённый порядок в следовании, движении чего-нибудь’ [Там же, с. 877]. «Способность слов нейтрализовать противопоставленность во фразеологии приводит к устойчивой нейтрализации, иначе говоря, различие этих слов для фразеологического уровня оказывается несущественным: при образовании фразеологической единицы вместе с одним из слов, создающих образную основу, в ее сферу вовлекается весь синонимический ряд, если такой существует» [5, с. 48]. Синонимия как близость семантических признаков взаимозаменяемых лексем-компонентов является важным показателем фразеологической вариантности.

Вариантность ФЕ может быть фиксированной, когда «явления фразеологической вариантности и факультативности компонентов четко разграничиваются в практике лексикографии» [17, с. 67], при этом «последовательно используют разные типы скобок и шрифтов для того, чтобы развести варьируемые и факультативные компоненты в заголовочной единице словарной статьи» [Там же]. Однако не все возможные варианты фиксируются в словарях. В данном анализируемом примере вариантность лексикографически не зафиксирована.

В отличие от варианта ФЕ единица, подвергшаяся преобразованию путём замены компонента/компонентов, имеет существенные семантические изменения. «Существенными следует признавать такие различия, которые отражают несоответствие внутренних форм фразеологических единиц» [5, с. 49]. Например: «Главное – не надо утрачивать поэзию жизни: она меня до сих пор поддерживала, – горе тому из нас, который лишится этого утешения в исключительном нашем положении» (И. И. Пущин И. В. Малиновскому и В. Д. Вольховскому, 27 октября 1839 г., Туринск) [16, с. 121]. Лексемы *проза* и *поэзия* вступают в контекстуальные антонимические отношения, объективируя «низ» (бытовое, обыденное) и «верх» (духовное, творческое) в концептуальной картине целостного восприятия окружающей действительности адресанта. При этом лексема *проза* во втором из двух своих значений – ‘перен. повседневность, будничная обстановка, то, что лишено красочности, яркости, живости’ [13, с. 609], а лексема *поэзия* имеет значение ‘4. перен. изящество, очарование, поражающее воображение и чувство красоты (книжн.); 5. перен. область воображаемого бытия, мир фантазии (устар., часто ирон.)’ [Там же]: данные семантические признаки участвуют во фразеологической комбинаторике, результатом которой являются ФЕ *проза жизни* ‘разг. пренебр. повседневное, однообразное, будничное существование’ [20, с. 156] и окказиональная ФЕ *поэзия жизни*.

Нельзя сказать, что письмо написано Иваном Пущиным из Туринска, куда он приехал на поселение после 20 лет сибирского заключения. Ему приходилось обустроить быт, к чему он был совершенно не приспособлен: «Ты воображаешь меня хозяином – напрасно. На это нет ни призвания, разве со временем разовьётся способность; и к этому нужны способы, которых не предвидится» (И. И. Пущин И. В. Малиновскому и В. Д. Вольховскому, 27 октября 1839 г., Туринск) [16, с. 121]. Интенсивная интеллектуальная деятельность помогала Пущину сохранить себя как личность. Работа над записками по крестьянскому вопросу с М. А. Фонвизиним, перевод философских сочинений Паскаля, организация деятельности Малой артели, образованной для взаимопомощи декабристов, и многое другое – далеко не полный список тех обязанностей и дел, которые добровольно взял на себя Пущин [Там же, с. 21-22].

Смысловое наполнение используемой адресантом ФЕ включает мощный ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный слои, индивидуально значимые для адресанта и адресата. Декодирование этого информационного блока возможно в ходе изучения документальных источников, что всё равно не даёт полного представления о том, какой смысл вкладывает адресант и в какой мере адресат декодирует данное сообщение. Однако можно с уверенностью предположить, что смысловая структура ФЕ *поэзия жизни* базируется на противопоставлении к значению ФЕ *проза жизни*, наполняясь индивидуально-значимыми смысловыми наращениями, имеющими эмоциональную, ассоциативно-образную природу. Сравним смысловые структуры ФЕ *поэзия жизни*, используемой Пушиным, и единицы, входящей в название одной из групп в социальной сети «*Поэзия жизни*: глубокие мысли о жизни в стихах» [15], где лексема *поэзия* выступает в своём прямономинативном значении, словосочетание не подвергается фразеологизации.

Частное письмо реализует коммуникативные установки адресанта [10] и создаётся в лично-ориентированной мотивации к общению: сообщить о своей жизни, обратиться с той или иной просьбой, призвать к тому или иному поступку и т.д. Эта форма коммуникации интересна тем, что «письма наиболее приближены к ситуации непринуждённого общения, раскованны, свободны в речевых проявлениях» [19, с. 5], хотя опосредованна: информация кодируется знаками языковой системы (при этом могут быть использованы и другие знаки, например рисунки, символы и т.д.).

Остановимся на фрагменте письма Н. М. Карамзина: «*Едва ли в исходе сентября увижу первый лист печатный: то нет бумаги, то малы станы; я дал уже 8000 р. вперед, а все не ладится. Между тем пересматриваю ноты, и для меня скучные: каковы же будут для читателей? однако ж не имею духа **поставить X***» (Н. М. Карамзин И. И. Дмитриеву, 21 августа 1816 г., Царское Село) [9, с. 184]. Фрагмент этот интересен тем, что это единственный (по крайней мере, до настоящего времени обнаруженный в исследуемых нами частных письмах разных лет) пример замены вербального компонента фраземы невербальным знаком. ФЕ *ставит/поставит крест* ‘разг. экспресс. 1. (на ком) окончательно разуверившись в ком-либо, считать его непригодным в чём-либо, конченным, ничёмным; 2. (на чём) признать что-либо несостоятельным, пропавшим, бесперспективным’ [20, с. 273] в письме имеет вид *поставить X*.

Специфика письма как источника, с одной стороны, максимально не официально, а с другой – письменно зафиксированного, определяет относительную свободу адресанта в выборе средств и способов оформления своих мыслей. Речь идёт о роли невербальной коммуникации в эпистолярии. Визуально адресат воспринимает информацию по почерку: его изменение, нехарактерный рисунок могут сигнализировать адресату, близкому человеку адресанта, о переменах в настроении автора писем. Возможны рисунки, несущие некоторую информацию для адресата и т.д. Однако это предмет отдельного исследования.

Рассматривая замену компонента ФЕ как трансформационный процесс, вносящий существенные изменения в её семантическую структуру, поясним, что в данном случае ФЕ с компонентом – графическим знаком используется в том же значении, что и ФЕ *ставит/поставит крест*. Обратим внимание на использование ФЕ в письме С. А. Есенина: «*С Анютой я больше незнаком, я послал ей ругательное и едкое письмо, в котором **поставил крест** всему*» (М. П. Бальзамовой, февраль 1914 г., Москва) [7, с. 58]. Выделенная единица также выступает в свойственном ей значении, зафиксированном в словаре. Можно ли считать такое использование ФЕ приёмом замены компонента? С одной стороны, данная единица визуально воспринимается, неся информацию, указанную в словарной статье. С другой – замена компонента графическим знаком делает единицу более экспрессивной, повышает роль её образной составляющей.

Проблема информационного взаимодействия вербальных знаков и визуальных компонентов сообщения всё больше волнует исследователей креолизованных текстов [4]. На наш взгляд, ещё не достаточно изучен коммуникативно-прагматический эффект данного взаимодействия как семантического и когнитивного процесса. Таким образом, явление, иллюстрируемое выделенной единицей, нуждается в изучении, особенно в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Другой характер имеют случаи замены невербальным знаком компонента ФЕ, являющегося обценной единицей. Примеры такой адаптации авторского эпистолярного текста встречаем в публикации [7]. В частности, в одном из писем находим: «*С Галей и сестрой у меня большой разлад, поэтому если и писали Вы мне, не знаю **ни 000***» (С. А. Есенин Н. К. Вержбицкому и С. Н. Вержбицкой, до 12 апреля 1925 г., Баку) [Там же, с. 210]. По предположению исследователей, «эти три нуля, по-видимому, возникли здесь лишь при копировании автографа письма, заменив собой трехбуквенное обценное слово» [Там же]. Подобные случаи не имеют ничего общего с авторским преобразованием знаков непрямого номинации, в котором замена компонента несёт коммуникативно-прагматическую миссию.

В заключение отметим, что анализ приёма замены компонента ФЕ как одного из способов творческого преобразования единиц языковой системы к условиям и прагматике коммуникации интересен в исследовании языковой личности автора письма [8]. Так, С. А. Есенин эмоционален в письмах близким людям: «*А если б я твоего увидел попка, то я обязательно наговорил бы ему дерзостей. Как он смеет судить, когда сам готов **снять последний крест** с груди бедняка. Не бойсь, где хочешь бери четвертак ему за молебен*» (М. П. Бальзамовой, 21 октября 1912 г., Москва) [7, с. 22]. Заменой компонента *рубашка* на компонент *крест* в ФЕ *снять последнюю рубашку* автор усиливает экспрессивный семантический признак единицы, актуализирует образный слой семантики, а эмотивные семы объективируют эмоции злости/негодования, возмущения. Компонент *крест* помимо тематической принадлежности к объективируемой ситуации несёт символическое содержание («святое»). Целью приёма в данном случае является объективация комплекса негативных эмоций, эмоциональное воздействие на адресата.

Сравним с реализацией приёма замены компонента в иных коммуникативных условиях: «*Ионов, вероятно, отдыхает. Я слышал, что он проезжал через Москву. Если он придет раньше меня, пожмите ему его лапу*» (С. А. Есенин Е. Я. Белицкому, 14 августа 1924 г., Константиново) [Там же, с. 173]. Или: «*Устрой с деньгами Илюшке и прости, родная, что письмо не описательное, а писательское. Сама понимаешь. Привет Юкову. Целую твои лапки*» [Там же, с. 222]. Как видим, замена компонента *рука* в первом случае и компонента *ручки* в другом преобразует семантические структуры фразеологизированных этикетных единиц. Подчёркивается интимность коммуникации, актуализируются эмотивные семы, вербализующие положительные эмоции.

Таким образом, лингвокреативный потенциал языковой личности обнаруживается в особенностях преобразования языковых единиц разных уровней в процессе подбора эффективных средств вербализации кодируемой информации. Изучение приёма замены компонента ФЕ в коммуникативно-прагматическом аспекте даёт новое знание об особенностях единиц вторичной номинации, в частности об их потенциальных семантических возможностях, коммуникативно-прагматических свойствах.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2005. 416 с.
2. Алёшечкина Ю. В., Пекарская И. В. Фразеологическая единица в художественном дискурсе: к проблеме элокутивного статуса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 11-15.
3. Баркова Л. А. Прагматические свойства фразеологизмов и их речевая реализация // Фразеология и контекст: сб. науч. тр./ МГПИИЯ. М., 1982. Вып. 198. С. 3–13.
4. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т; под редакцией А. П. Сковородникова. Вып. 3 (11). Красноярск: Красноярский университет, 2000. С. 104-110.
5. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразеобразования: монография. Изд-е 2-е, испр. и доп. Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2010. 246 с.
6. Добрыднева Е. А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. Волгоград: Перемена, 2000. 224 с.
7. Есенин С. А. Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Наука; Голос, 1999. Т. 6. Письма. 815 с.
8. Калёнова Н. А. «Расти большая. Твой С. Есенин»: смысловая реализация фразеологических единиц в источниках личного происхождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7. Ч. II. С. 89-92.
9. Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма / сост., вступ. ст. и коммент. А. Ф. Смирнова. М.: Современник, 1982. 351 с.
10. Ковалёва Н. А. Русское частное письмо XIX века: коммуникация, жанр, речевая структура: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002. 537 с.
11. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1986. 336 с.
12. Носкова Н. Ю. Функционирование ФЕ в материалах районной периодической печати (на материале газеты «Северная звезда») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. I. С. 119-121.
13. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд-е 22-е, стер. М.: Рус. яз., 1990. 921 с.
14. Подгурска В. Приёмы индивидуально-авторской трансформации фразеологических единиц в романах И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» и «Золотой телёнок» и способы их перевода на польский язык: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990. 152 с.
15. Поэзия жизни: глубокие мысли о жизни в стихах [Электронный ресурс]. URL: http://vk.com/poetry_of_life (дата обращения: 25.02.2012).
16. Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма / редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; вступ. ст. и коммент. М. Мироненко и С. Мироненко. М.: Худож. лит., 1988. 559 с.
17. Роголёва Е. И. Отображение фразеологической вариантности в заголовке словарной статьи // Вестник Новгородского государственного университета. 2010. № 57. С. 66-68.
18. Третьякова И. Ю. Окаzionale фразеология: монография / под науч. ред. А. М. Мелерович. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. 290 с.
19. Фесенко О. П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века: автореф. дисс. ... д. ф. н. Томск, 2009. 37 с.
20. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Фёдоров. М.: Цитадель, 1997. Т. 2. Н – Я. 397 с.
21. Эмирова А. М. Прагматическая фразеология: семантика и грамматика // Вопросы русской и общей фразеологии. Самарканд: Изд-во Самаркандского гос. ун-та, 1986. С. 32-43.

DEVICE OF PHRASEOLOGICAL UNIT COMPONENT REPLACEMENT IN EPISTOLARY

Kalenova Natal'ya Alekseevna, Ph. D. in Philology
Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering
nakalyon2011@gmail.com

The author considers one of the devices of phraseological units transformation, shows that the replacement of phraseological unit formal structure component leads to the semantic transformations, used with communicative-pragmatic purposes, emphasizes the problems related to the definition of the device boundaries, and analyzes the specificity of phraseological unit component replacement in the epistolary.

Key words and phrases: epistolary; phraseological units transformation; phraseological unit components replacement; phraseology; linguistic personality.